

Аноним*

ПОЛЬСКИЕ НАДЕЖДЫ, ПОЛЬСКИЕ ПЛАНЫ

Тоталитаризм отступает

Годы, отделяющие нас от введения военного положения в стране и объявления „Солидарности” вне закона, нанесли чувствительный удар по нашим надеждам. Десятимиллионный и, казалось бы, непобедимый профсоюз рассыпался как карточный домик. Арест руководства и актива, разрыв связей свели на нет сопротивление промышленных предприятий. „Зима ваша — весна наша” писали поляки на заборах и стенах домов с надеждой, что в ближайшее время одержат победу над тиранией. Но последующие месяцы показали, как бессильно стремление тысяч при безразличии миллионов. Запад нам не помог — не мог, а может, и не хотел... Да и чем мог он помочь этой несчастной Польше, той вечной причине смут в Европе? Начать третью мировую войну, пустить в ход ракеты, которые в первую же очередь снесли бы нас с лица земли? Те, у кого появилась лишь тень надежды, или же те, кто и сейчас надеются, что Рейган нас спасет, наивны как дети.

Мы питаем те же надежды по отношению к церкви. С какой это стати папа римский и епископы должны вместо нас заниматься нашими политическими и профсоюзными делами,

* Автор живет в Польше. Статья прислана на Запад и публикуется без его ведома. — Ред.

подписывать новые договоры с правительством, если этого не смогла сделать „Солидарность”? Не в том задача церкви, хоть и многие мужественные священники, идя по следам убитого ксендза Попелушко, высказывают и будут высказывать в своих проповедях патриотические и политические идеи. Было бы, однако, нелепо рассчитывать, что приходы станут играть роль политических организаций.

Для поляков церковь была и есть хранилище этических и культурных ценностей, но церковь не может заниматься организацией сельского хозяйства, социального обеспечения, просвещения и т. д. и т. п. Слишком уж радужны надежды на то, что церковь сможет продолжить дело „Солидарности”, и нет ничего удивительного в том, что епископы и особенно глава польской церкви кардинал Глемп не согласны исполнять эту роль.

На что же тогда рассчитывать? Роль подпольной „Солидарности” слабеет из года в год, о действенности ее призывов можно судить по последним событиям: забастовки и протесты были довольно малочисленны. Активисты „Солидарности”, не воспользовавшиеся прошлогодней амнистией и решившие остаться в подполье, знали это. Руководство подпольной „Солидарности” стало не организационной, а моральной силой. Члены руководства знали это, и тем более заслуживают уважения, поскольку они сами не рассчитывают наивно на грядущую весну, которая будет „нашей”.

Единственно что подполью действительно удалось наладить, — это издательская и печатная деятельность. Неподцензурные книги издаются массовыми тиражами в сотнях независимых, а потому и неуловимых издательствах. Их огромная популярность и влияние говорят о том, чем интересуются поляки сегодня. Это свидетельство, что поляки покончили с сопливым безразличием и спячкой 70-х годов, что они стремятся к знаниям, — но не готовы к борьбе. Стоит напомнить, что в истории общественной борьбы революционные порывы недолгосрочны. И Польша — не исключение. После каждой схватки, после каждого поражения общество довольно долго „заряжает аккумулятор” и переживает довольно длительный период апатии до следующего подъема.

Поражение 13 декабря 1981 г. было разгромом надежд, но не живой силы народа, оно не сопровождалось кровопролитием, и это поражение никак нельзя сравнить с разгромом польских восстаний, но все-таки это было поражение. Это необходимо осознать и прекратить попытки ускорить исторический процесс. Несерьезно звучат претензии к рабочим, что они „не откликнулись”, несерьезны и жалобы на то, что Временная координационная комиссия неудачно выбрала момент призыва к забастовкам и протестам. Удачных моментов не было и некоторое время не будет! Быть может, на этот раз период пассивности и „зарядки аккумулятора” потребует меньше времени, чем в прошлом, но существенно ускорить его все равно невозможно. Но так же наивно и глупо утверждение, что все потеряно.

Основной аргумент тех, кто так считает, заключается в следующем: 13 декабря 1981 г. выяснилось, что вооруженный тоталитаризм сильнее всяких невооруженных общественных движений. У мирно демонстрирующего народа нет никаких шансов в столкновении с вооруженными отрядами милиции (ZOMO), а если даже и удалось бы эти отряды разогнать, то войдут советские танки. Правительство Ярузельского* укрепило — значит, скоро начнется еще более резкий курс по отношению к оппозиции, возврат к сталинским методам, массовые гонения на неблагонадежных и подчинение всех отраслей жизни органам безопасности. Значит, нас ждет судьба Чехословакии после 1968 г., с еще более строгим режимом, так как коммунистический тоталитаризм после отрицательного опыта с попытками либерализации системы вернется к оправдавшим себя в прошлом методам „батюшки Сталина”, считая их лучшим способом для закрепления своего господства над душой и телом подданных. Они говорят, что нас ждет длинная и очень темная ночь. Они считают, что тоталитаризм достаточно силен, чтобы подчинить общество вопреки тенденциям, зародившимся в Польше уже в 1956 г., что нас ожидает описанное Орвеллом будущее только после 1984 г. Такие настроения характерны, в первую очередь, для разочарованных интеллигентов, которых лишили возможности работать по специальности, которым закрыли рот

* Ярузельский ушел с поста главы правительства 8 ноября 1985 г. и стал президентом ПНР. — Ред.

и которых столкнули на край нищеты. Эти настроения можно понять. Мне тоже приходится бороться с собой, чтобы не впасть в отчаяние, которое приходит на смену утраченным надеждам. К счастью, однако, объективный анализ феномена, каким является мировая коммунизм и советский блок, не подтверждает этих опасений, хотя напоминает о других, не менее угрожающих явлениях. Такой анализ выходит за границы личного опыта и опыта нашего нынешнего поражения.

Чтобы ответить на вопрос, способен ли тоталитаризм в наше время полностью подчинить себе личность и общество, уничтожив существующие независимо от тоталитаризма общественные связи, сначала необходимо ответить на несколько вспомогательных вопросов. Каково нынешнее состояние тоталитаризма? Он по-прежнему стремится к экспансии или находится в состоянии застоя? Прежде всего мы должны задуматься о состоянии коммунистической экономики, о ее способности производить хотя бы самое необходимое для сохранения режима, вооружать его и обеспечить уровень жизни, привычный для власти имущих. Ответ на эти вопросы не прост, но в то же время не дает оснований для упрощенного пессимизма.

Довольно долгое время коммунизм находился в стадии экспансии и территориальной, и идейной. Территориальной экспансией было подчинение Кремлю Центральной Европы в результате Ялтинского соглашения; далее коммунизм обосновался в Китае и Корее и подчинил Индо-китайский полуостров. Пиком идейной экспансии была популярность коммунизма в Западной Европе, прежде всего во Франции и Италии. Следует, однако, заметить, что в послевоенный период из сферы влияния Кремля выбыли Китай, Северная Корея, Албания, Югославия, Египет, Индонезия, Ирак и Сомали. Аналогична и ситуация в Западной Европе. Чтобы уцелеть, коммунизм трансформировался там в т. н. „еврокоммунизм”, т. е. коммунизм, независимый от Москвы. Но даже в этом своем виде он потерял доверие избирателей. Не так давно Французская компартия могла рассчитывать на 30% голосов, сейчас же, судя по опросам общественного мнения, ее поддерживает совсем незначительное число французов. В Италии, где еще недавно компартия считала реальной возможность войти в правительство, ее значение тоже уменьши-

лось.

В странах Третьего мира коммунисты умело использовали два аргумента: первый — советский строй молод и обладает безошибочной теорией быстрейшего развития промышленности и устранения экономических трудностей, вытекающих из отсталости государств; второй — у России никогда не было колоний, она не поработала народы и никогда не вела колониальных войн (тут, конечно, не упоминается ни Польша, ни Украина, ни Прибалтика, ни Средняя Азия, и т. д.).

Страны Третьего мира, избравшие советский метод индустриализации и централизованного управления экономикой, не выходят из состояния нищеты и даже голода, хотя танков у них больше, чем у других, а развивающиеся страны, избравшие модель свободного рынка или смешанную систему, достигли лучших результатов, они успешнее решают проблему избавления от голода и отсталости, хотя еще совсем недавно было распространено мнение, что для таких стран система свободного предпринимательства непригодна.

Таким образом, практика развития стран третьего мира опровергла надежды, связанные с советской моделью развития народного хозяйства. Практика самого Советского Союза и подвластных ему стран Центральной Европы тоже показывает, что индустриализация, достигаемая посредством огромных капиталов и трудовложений и общественных затрат мало эффективна и вскоре приводит к стагнации. Примером этому служит Польша и другие страны с системой советского типа. В Польше, кроме того, коммунизм впервые в истории оказался в полной изоляции, утратив все идейные, моральные и экономические доводы в свою пользу и сохраняется только опорой на силу. Но и с этой опорой не все в порядке. Нетрудно было раздавить танками коммунистов-реформаторов в Чехословакии и „Солидарность” в Польше. Но в глобальном масштабе танками ничего нельзя решить.

Опирающаяся только на силу и не подкрепленная идеологией тоталитарная система требует новых методов и инструментов для подавления возрождающихся общественных связей. Нарисованная Орвеллом мрачная картина включает самые изощренные способы подслушивания и надзора, посредством ко-

торых „Большой брат” властвует надо всем и надо всеми. Однако общество обладает особой силой, которая дает возможность регенерации и после более страшных потрясений, чем поражение „Солидарности” 13 декабря 1981 г. Этой силе возрождения система вынуждена противопоставлять еще более жесткие средства контроля и подавления, поскольку она отказывается идти на компромисс с обществом. Борьба на верхах после смерти Сталина, XX съезд КПСС, некоторая либерализация режима в хрущевский период, отказ от массовых репрессий — это был компромисс Кремля с народом в СССР. В настоящее же время тот же самый режим бессилён преодолеть растущее влияние православной церкви, католической религии, мусульманской религии, экономической стагнации, которое сопровождается развитием частных хозяйств в деревне и черного рынка в городах. Более всего эти явления заметны в Польше, где распад тоталитарной системы определил аналогичный процесс в других странах советской сферы влияния. После взрыва негодования рабочих в Познани в июне 1956 г. и массовых демонстраций в октябре того же года режим в Польше смирился с ликвидацией коллективных хозяйств, с частичным возрождением ремесел и независимой от государства католической церкви. После декабря 1970 г. власти вынуждены были открыть двери на Запад, как бы перестали замечать деятельность оппозиции, разрешили строительство новых храмов, приняли папу Римского и сами вынесли себе приговор — подписав августовские соглашения. Даже после уничтожения „Солидарности” правительство Ярузельского вынуждено считаться с оппозицией и с церковью, смириться с полным крахом коммунистической идеологии, с многочисленными неподцензурными изданиями и изданиями. В Венгрии даже ограниченные реформы Кадара привели к ослаблению власти партийного аппарата.

В наше время тоталитаризм уже не способен на полное подчинение личности государству. Уже более 20-ти лет происходит медленное, но непрерывное отступление тоталитарных режимов и возрождение независимых общественных связей. В исторической перспективе этот процесс должен привести либо к падению, либо к эволюции системы. Процесс этот весьма сложный и вряд ли будет протекать мирно, без драматических

событий и взрывов.

Уроки польских кризисов

Начнем с исторических данных. Если не считать бурного послевоенного периода, то народные протесты, которые привели к смене правящей верхушки, имели место в 1956, 1970 и 1980 гг. Волнения 1968 и 1976 гг. не увенчались приходом к власти новой группы аппаратчиков, но их влияние на страну было огромным. Выступление рабочих в декабре 1970 г. было подавлено властями, но вызвало перемены на верхах. То же можно сказать и о революционном возмущении рабочих Познани в июле 1956 г., которое послужило началом массовых мирных выступлений, и в итоге правящая в то время группа вынуждена была уйти в отставку. Каждый из этих протестов стоил крови, но в 1968 и в 1976 гг. были жертвы побоев, а не расстрелов. Абсолютно мирным и бескровным было также выступление в августе 1980 г. После введения военного положения в декабре 1981 г. были принесены первые жертвы.

Рассматривая полный цикл каждого кризиса, можно выделить в них две основные фазы:

1. Массовый протест (бунт), как правило, бунт рабочих, и устранение правящей группы, на которую возлагается вина за „ошибки и перегибы”.

2. Ликвидация новой правящей группой тех свобод, которые рабочим удалось завоевать, и возвращение почти к той же политике, к тем же „ошибкам и перегибам”, за которые были устранены их предшественники.

Заметим, что промежутки между кризисами были довольно продолжительными, и в эти периоды общество вело себя довольно пассивно. От их имени выступали лишь немногочисленные группы оппозиционно настроенных интеллигентов.

С 1956 г. по 1970 г. прошло 14 лет, а с 1970 до „великого Августа” — 10 лет. Если включить в анализ кризисы с незавершенным циклом, т. е. протесты населения, не вызвавшие перемен „на верхах”, то промежутки между кризисами можно считать короче: после октября 1956 г. последовал март 1968 г.

(через 12 лет), а июльские события в Радоме отделены от декабря 1970 г. шестью годами.

Подавленный, не завершившийся переменами на верхах протест, как правило, предвещает новый, более сильный взрыв. Протесты 1970 г. начались через два с половиной года после мартовских событий 1968 г., а август 1980 г. настал через четыре года после июля в Радоме.

Заметим, что все революционные выступления, за исключением марта 1968 г. (студенческие волнения. — Ред.) — это были протесты рабочих, и потому нелепы утверждения, что они были спровоцированы группой манипуляторов. Рабочие протесты — это подлинное проявление недовольства тех, кто лишен иных возможностей защищать свои интересы. Провокация может ускорить взрыв недовольства, но она не в состоянии поднять на борьбу миллионы людей. Провокацией можно вызвать дворцовый переворот, но не продолжительные волнения и многомиллионные забастовки.

Разговоры о том, что польские события были следствием борьбы на верхах, такой же ни на чем не основанный бред, как и излюбленные разговоры польских властей об „антисоциалистических силах”, которые обводят вокруг пальца простодушных рабочих. Ведь только благодаря активности польского рабочего класса происходили желательные изменения в стране и в судьбе самих рабочих, и расплачиваться за протесты и вызванные ими перемены также приходилось, в первую очередь, рабочему классу.

Отметим в связи с этим весьма интересный парадокс. Зарботки рабочих в Польше, особенно на больших промышленных предприятиях, выше средней зарплаты рабочих в системе свободного предпринимательства. Это следствие не только идеологического императива, но и страха. Рабоче-крестьянская власть боится рабочих и поэтому готова платить им больше. На крупных промышленных предприятиях производительность труда низкая, но сила у рабочих — большая..

Таким образом, зачинщиком протестов является пролойка, живущая не так уж плохо и получившая от власти некоторые привилегии. Власти объясняют этот факт деморализацией, но, напомним, что в августе 1980 г. рабочие на Гданьских вер-

фях отказались прекратить забастовку за существенное повышение зарплаты и продолжали бастовать в знак солидарности с рабочими небольших предприятий. В результате, после окончания забастовки, повышение зарплаты на верфях оказалось вдвое меньше предложенного им вначале. Более того, перечень требований бастующих начинался с политических, а не экономических — создание свободных профсоюзов, обеспечение свободы слова и свободы убеждений. Это значит, что для современного польского рабочего набить карман и желудок — не самое главное в жизни. Размышляя над будущим Польши, необходимо помнить об этом.

К весьма интересным выводам приводит и анализ политических группировок власть имущих, выдвинувшихся в результате народных волнений и ликвидировавших значительную часть завоеванных народом свобод.

Политика Гомулки, возможно, могла бы принести положительные результаты в начале 50-х годов, но не могла воспрепятствовать нарастанию недовольства в 60-е годы и решить стоявшие тогда перед Польшей проблемы. Если бы вместо нажима сталинского типа власти ограничили капиталовложения в промышленность, распустили колхозы, дали бы определенную свободу католической церкви и ограничили цензуру, наверняка бы не было протестов 1956 г. и развитие Польши было бы более успешным. Октябрь 1956 г. пробудил надежды и поднял сознание народа на столь высокий уровень, что политические меры, которые удовлетворили бы население в 1948 и даже в 1952 гг., в 1956 г. оказались недостаточными. То же можно сказать и о Гереке. Принятые им меры предлагали еще в первой половине 60-х годов партийные прагматики, осуждавшие политику Гомулки. Повышение зарплаты, открытие дверей на Запад, производство по лицензиям, частичная реформа народного хозяйства, большая терпимость по отношению к церкви и оппозиции. Гомулка не согласился провести эти меры и вынужден был уйти, но эти же меры, реализованные его преемником, уже оказались недостаточными. Положение обострилось и вследствие нефтяного кризиса, который в 70-е годы затронул весь мир, и вследствие бездарности герековского руководства. Если бы Герек после прихода к власти провел те же меры, которые

в настоящее время проводит Ярузельский, то наверняка не было бы августа 1980 г. и позорного падения „товарища Эдварда”. Мы имеем в виду более решительную экономическую реформу, большую осторожность в отношении иностранной задолженности, изменение системы ценообразования, признание определенной независимости профсоюзов, ограничение пропаганды „великих успехов” — все эти меры в 1976 г. рассматривались бы как признак демократизации, но в 1981 г. вызвали недовольство и критику.

Таким образом, вследствие волнений, кризисов и закручивания гаек к власти приходят так называемые либералы предшествовавшего этапа, которые пытаются реализовать политику, неприемлемую для прежнего руководства. Это повторяется и ныне.

Однако, политика новой власти никогда не удовлетворяет надежд и ожиданий народа, хотя всякий раз политика новой группы менее тоталитарна, менее „коммунистическая” и представляет больший простор для восстановления и укрепления общественных связей. Таким образом, в Польше процесс „декоммунизации” происходит через циклы кризисов, и из прошлого опыта можно заключить, что так будет и в будущем, пока общество не одержит победу над дряхлеющей тоталитарной диктатурой.

Можно с полной уверенностью сказать, что группа, которая придет к власти после очередной встряски и которая сметет Ярузельского (или его преемника), наверняка будет проводить линию, которую сейчас предлагают Ярузельскому более просвещенные группы внутри партии, более умеренные люди из оппозиционных кругов и советники кардинала Глемпа. Такая линия означала бы спасение Польши сегодня, но после очередного взрыва народного гнева она уже будет недостаточной. Будет ли этот очередной протест последним? Вряд ли... Я полагаю, что и следующий взрыв протестов не даст нам победы, но он так же неизбежен, как и процесс „декоммунизации” Польши. Нет другого пути, кроме пути сквозь бури, страдания и утраченные надежды. Даже если бы на варшавскую площадь вышли в обнимку папа Иоанн Павел второй и Лех Валенса и совместно призвали бы поляков успокоиться, мирно работать и сидеть по домам,

то и они не остановили бы колесо истории, как никто не был в состоянии воспрепятствовать волнениям в октябре, марте, декабре, июле, августе и опять в декабре. Достаточно ли в польском календаре месяцев? Достаточно ли надежды в сердцах поляков?

Когда разразятся новые протесты в Польше и какими они будут? Чтобы ответить на этот вопрос, подумаем над тем, в чем сходство и в чем различия польских кризисов.

В 1956 г. поляки полностью доверились Гомулке, без всяких гарантий с его стороны и без каких-либо политических требований со стороны польского общества. Но уже в 1970 г., когда Герек и Ярошевич (тогда председатель Совета министров. — Ред.) обратились к народу с призывом о „помощи”, народ медлил оказать им доверие только за то, что политбюро выдвинуло именно их на руководящие посты. На всех митингах рабочие тогда требовали выработать процедуру смены руководителей партийного и государственного аппарата, чтобы никто „не прирос к столу”, чтобы не создавался слой „вечных руководителей”. В Щецине выдвинули тогда требование создания свободных профсоюзов. Герек подхватил идею о смене руководства, а о профсоюзах промолчал, впоследствии же вообще все предложения положили под сукно. Но даже в начале своего правления Герек не пользовался таким доверием и такой поддержкой народа, как Гомулка.

Станислав Каня, сменивший Герека на посту первого секретаря ПОРП, вовсе никаким доверием не пользовался. Рабочие уже ничему не верили и продолжали требовать создания свободных профсоюзов, свободы слова и убеждений и проведения экономических реформ. Появление „Солидарности” означало не только то, что впервые в истории рабочих протестов в Польше это движение приобрело организованную форму, но и то, что впервые в истории кризисов, рабочее движение поставило себя вне партии, декларировав, что „Солидарности” происходящее в партии безразлично, как безразлично рабочим, кто стоит во главе ПОРП. Это качественное изменение весьма существенно, поскольку до образования „Солидарности”, во время всех предыдущих кризисов в Польше, как и во время берлинского бунта 1953 г., венгерской революции 1956 г. и пражской весны 1968 г., протестующие массы требовали перемен на

верхах, в партийной верхушке, — они поддерживали „либералов” против „твердолобых”. В августе 1980 г., на основании накопленного за предыдущие годы опыта, „Солидарность” с самого начала заняла по отношению к партии безразличную позицию, которая переросла во враждебную лишь после того как партийное руководство стало препятствовать деятельности независимого профсоюзного объединения.

Существует мнение, что занятая „Солидарностью” позиция была чрезмерно крайней, что следовало приласкать „либералов”. Но судя по исторической ретроспективе, это мнение ошибочно, и упрек должен быть высказан по другому адресу. Это коммунисты не воспользовались возможностью установить контакт с народом. Теперь уже поздно. Уже действует историческая память, которая влияет и на действия тех, кто недостаточно осведомлен и путается в деталях. Но вернемся к анализу событий. Следующий протест будет носить явно антикоммунистический характер и вместо требования свободных профсоюзов выдвинет требование — отдать власть. Именно поэтому и следующий протест скорее всего не будет успешным, и после его подавления в эмиграции окажется еще одно „утраченное” для страны поколение поляков. Потери будут более тяжелыми, чем когда-либо в прошлом. Это будет схватка народа, не имеющего никаких иллюзий относительно государства, с государством, не имеющим никаких иллюзий относительно своего народа. Это слабеющее, противное, чужое, хоть и под любимым бело-красным флагом, государство, все еще достаточно сильно, чтобы сдерживать натиск народа, опираясь на силу Москвы. Оно недостаточно сильно для реставрации сталинизма, но достаточно сильно для защиты центра власти в Варшаве.

Изменить положение не могут ни папа Иоанн Павел второй, ни Лех Валенса. Можно спорить о том, когда начнутся протесты и сколько жертв они унесут, можно надеяться, что власть имущие — в Варшаве и в Москве — проявят хоть сколько-нибудь благоразумия, что сработает у них инстинкт самосохранения, потому что в противном случае здание коммунизма рухнет не только на наши, но и на их головы. Но важнее указать правителям в Варшаве и в Москве возможность другого выхода.

Что делать?

Вопрос о временном промежутке, отделяющим нас от нового драматического эпизода, лишен какого-либо смысла. То, что в прошлом этот промежуток длился от 14 до 10 лет, ничего не значит, разве, что начало нового взрыва в ближайшем будущем маловероятно. Период „Солидарности” отличался от предыдущих кризисов тем, что начался мирно, без жертв, без уличных схваток, но конец его был кровавым и трагическим.

Кровопролития и продолжительное насилие могут оказаться фактором, стабилизирующим политическую ситуацию. Однако одновременно зреет и сознание, что эта система исключает достижение успеха мирным путем и что надо ждать удобного случая, чтобы рассчитаться за утраченные надежды. Об этих настроениях можно судить по опросам общественного мнения, которые подтверждают, что после 1981 г. растет так называемое молчаливое большинство, к которому относятся враги системы, сторонники „Солидарности”, и люди, не имеющие четкого представления о происходящем (например, поддерживающие и Валенсу и Ярузельского) и отказывающиеся участвовать в каких-либо антиправительственных выступлениях. Это молчаливое большинство составляет в настоящее время 65—70% населения; поддерживает же политику партии — всего 10% поляков.

Новый взрыв общественного недовольства будет вызван чувством глубокой неудовлетворенности, гнева из-за утраченных надежд, отсутствием иллюзий относительно коммунистической идеологии и безнадежным положением в области экономики. Огромную роль может сыграть созревшее в период „Солидарности” политическое сознание народа, неустанно поддерживаемое неподцензурной печатью. По официальным, но неопубликованным данным, около 3 млн. поляков читают неподцензурные книги и журналы. Эти издания представляют собой совершенно уникальное явление не только в истории Польши, но и в истории всего так называемого социалистического лагеря. Опозиция сформировалась по всей стране, и по всей стране распространяется независимая, свободная мысль. Сегодняшняя оппозиция — это 10—12% населения, поддерживающих „Солидарность”; 50% избирателей, которые не голосовали на выборах 1984 г., —

это база оппозиции. Эти люди не выйдут на демонстрации и не будут распространять неподцензурную прессу, но они готовы поставлять ей правдивую информацию. Большого от них нельзя требовать, не все рождаются героями. Период апатии общества может продлиться несколько лет, пока не созреет новое, воспитанное „Солидарностью” поколение, которое по-своему разыграет следующий акт польской истории. Да и в прошлом не бывало, чтобы одно и то же поколение дважды участвовало в исторических потрясениях. Люди „Солидарности” постепенно сойдут со сцены, и нечего роптать по этому поводу. Быть может, у гонимых сейчас во дворе мяч будут другие идеалы и другие авторитеты, и „Солидарность” будет для них лишь прекрасной и достойной уважения легендой. Важно лишь, чтобы новое поколение действовало со знанием польской истории и политики. Уходящее со сцены поколение „Солидарности” должно передать ему свой опыт и знания. Во время прошлых межкризисных периодов такой возможности не было, но сейчас она существует.

Распространение независимой мысли и информации — это наша основная задача

Если в августе 1980 г. как и в 1956, 1970, 1976 и в 1981 гг. в первых рядах находились польские рабочие, то теперь их место заняли представители интеллигенции — журналисты, писатели, наборщики, разносчики газет и книг. Путь, по которому они идут, это путь ответственности за родину.

Нужно любой ценой обеспечить распространение независимых публикаций, нужно всячески поддерживать любые формы независимого обучения — лекции, семинары и, особенно, великодушную идею католических рабочих университетов. Эта задача стоит не только перед теми, кто в настоящее время находится в Польше, но и перед эмиграцией.

То, что народ поддерживает неподцензурные издательства и в то же время отказывается выходить на демонстрации, может раздражать лишь самых нетерпеливых. Народная позиция есть доказательство народной мудрости, выработавшей определенный ритм, чередование периодов гнева и апатии. Для „зарядки аккумулятора” народ выбрал неподцензурные газеты. И правиль-

но сделал. Не следует также, пусть исходя из самых благородных соображений, осуждать поголовно всех сотрудничающих с режимом и считать несовместимыми „порядочность” и „готовность смириться”.

Человека надо воспринимать таким, какой он есть. Его способность противостоять тоталитарной системе проявляется в возрождении общественных связей и в новых общественных явлениях, контролировать которые слабеющий режим уже не в состоянии. Спекулянты, мошенники и даже „чекисты”, которые вместо того, чтобы ловить „политических”, занимаются своими грязными делами, разрушают систему, хотя они и бегом бегут на выборы и вступают в контролируемые государством профсоюзы. О своей совести пусть они заботятся сами. Стоит время от времени подбросить им газету или книжку, — пусть подумают, ведь и они не верят в превосходство „реального социализма”. Они просто более напуганы и одиноки. Нельзя ограничиваться замкнутым гетто оппозиции, убеждением убежденных и обучением уже знающих. Много будет зависеть и от молчаливого большинства, об этом не следует забывать, заботясь о будущем Польши. Следует постараться найти путь и к тем, кто разменял „большие надежды” на прозу жизни, предпочел собственную выгоду. Необходимо дать им понять, что за их мыслями и выступлениями внимательно следят, и за их руками наблюдают. А вдруг и в них заговорит человеческая суть? Любая более или менее независимая мысль, даже высказанная в партийных гостиницах, — союзник в борьбе с тоталитарной системой. Мы — уже сила, так давайте вести себя как сильные люди, даже если нас за это сажают в тюрьму. Незачем бороться с разнообразием политических убеждений, бесполезно призывать к единомыслию, осуждать маленькие группы, которые называют себя партиями, хотя все их члены могут уместиться на одном диване. Ведь зародышем массовых общественных движений были именно маленькие группы людей, объединенных общей идеей. История покажет, какие из ныне существующих групп одержат победу. Этот вопрос решится в свободных выборах. И страна их дождется. Если не мы, то наши потомки наверняка. Напомним, что до первой мировой войны никто не мог предсказать, какие группировки и чья политическая программа принесет Польше сво-

буду. Никто не уповал на молодого социалиста Пилсудского. Мы обязаны уважать общественный плюрализм, все движения, все идеи — от последовательных борцов за независимую Польшу, до стоящих на грани сотрудничества с режимом социалистов и консервативных католиков. Третья мировая война, если она разразится, независимости Польше не принесет. Ракеты, которые взорвутся над Польшей, не решат нашей судьбы, вернее, они решат ее окончательно, как и судьбу народов других стран европейского континента. И пока существует хотя бы какой-то шанс мирного решения польского вопроса, необходимо указывать на такую возможность самим себе, власти имущим и Западу.

Перевод Ежи Беккера

О НЕСКОЛЬКИХ КОНФЕРЕНЦИЯХ, НА КОТОРЫХ МЫ ПОБЫВАЛИ...

С 15 по 17 мая 1985 г. в городе Арлингтон (штат Вирджиния, США) состоялась конференция о подавлении религиозных свобод и прав человека в странах Восточной Европы и Советском Союзе. Эта конференция была организована американской общественной организацией — Исследовательским центром по вопросам религиозных свобод и прав человека в закрытых обществах, в работе которого принимают участие представители многих религий.

На конференции выступили польский режиссер Тадеуш Валендовский, сотрудница Колумбийского университета Сюзанн Грubby, преподаватель духовной семинарии Принстонского университета священник Владимир Калик, помощник государственного секретаря Соединенных Штатов по вопросам прав человека Гарри Матьюс и др.

* * *

С 24 по 28 июня в курортном городке Чотаква, расположенном на северо-западе штата Нью-Йорк, состоялась международная конференция, посвященная американо-советским отношениям. „Конференция в Чотакве, — сказал на открытии один из ее организаторов, международный обозреватель печатного агентства „Герст Ньюспейперс“ Джон Валлах, — это одно из редчайших мероприятий, которое встретило поддержку и американского и советского правительств”.

От Соединенных Штатов в конференции принимали участие помощник государственного секретаря Соединенных Штатов